

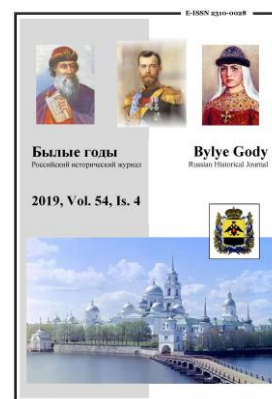
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1451-1458. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1451
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valeriy N. Badmaev ^a, Arya A. Andreeva ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the specifics of the confessional policy of the Russian Empire regarding Buddhism. After the advent of Buddhist subjects in Russian state policy, a tolerant attitude towards the Buddhist religion manifested itself, especially the Kalmyks, who until 1771 had considerable autonomy. In the subsequent period, the tsarist government made successful attempts to centralize the Buddhist communities of the Buryats and Kalmyks in order to create a strict church structure and hierarchy like the Russian Orthodox Church. However, this desire of the authorities was dictated not so much by hostility towards Buddhism as by the desire of the Russian state to control all religious denominations in the empire. After a series of administrative transformations in the second half of the XIX century a system of Buddhist spiritual institutions was formed. The study showed that tsarist politics was aimed at the Buddhist community of Russia serving the state interests of the empire. However, despite the active support of the missionary activities of the Russian Orthodox Church in Kalmykia and Transbaikalia, the tsarist government was not able to fully Christianize the Buddhist population of the empire. At the same time, the attentive attitude of the central government to the Buddhist denomination led to the fact that Russian sovereigns began to be positively perceived by the Buryat and Kalmyk people.

Keywords: Buddhism, confessional politics, the Russian Empire, the Romanov dynasty, Kalmyks, Buryats, Christianization.

1. Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена постоянно усиливающимся в современном глобальном мире интересом к буддийской культуре, чьи принципы терпимости, умеренности и экологичности становятся сегодня крайне современными (Ulanov, Badmaev, 2015).

Буддийская культура России, основанная на традиционных буддийских ценностях, – составная часть общероссийской культуры, формировавшаяся длительное время в рамках евразийской российской цивилизации. Буддизм в России представляет собой оригинальный многосложный социо- и культурно-конфессиональный комплекс, он имеет длительную историю, связанную с появлением и распространением буддизма в Поволжье, Забайкалье, а также в других регионах России.

Целью данного исследования является концептуальный историко-религиоведческий анализ политики Российской империи в отношении буддийских общин Забайкалья и Нижнего Поволжья.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили памятники историко-летописного наследия, сборники документов, отражающие

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmavo7@yandex.ru (V.N. Badmaev), miss.tsebikova888@gmail.com (A.A. Andreeva)

распространение буддизма в культурно-конфессиональном пространстве России, специфику религиозной политики Российской империи, а также историко-этнографические исследования дореволюционных ученых. Кроме того, были проанализированы современные научные публикации российских и зарубежных ученых по теме исследования.

В качестве методологической основы исследования были использованы принципы историзма и научной объективности, сравнительно-сопоставительный и специально-исторические методы (проблемно-хронологический и историко-ретроспективный), позволившие на основе анализа обширного эмпирического материала изучить развитие вероисповедной политики династии Романовых в отношении буддийской церкви в Российской империи.

При оценке анализируемых процессов также применялся и цивилизационный подход. Во взаимоотношениях с буддистами российское государство в лице дома Романовых имело дело со специфическим феноменом – буддийской цивилизацией или буддийским миром. Буддийские народы России в силу своих историко-генетических, религиозно-культурных характеристик относятся к буддийскому миру, имеют культурно-конфессиональные идентификационные аттракторы за пределами российского государства.

3. Обсуждение

Следует сразу отметить, что специальных научных исследований, посвященных историко-культурологическому анализу процесса взаимоотношений династии Романовых с буддистами России, практически нет. В дореволюционный период крупных исследований, непосредственно относящихся к вопросам взаимоотношений царского правительства и буддистов, было немного. В общественно-политической мысли того времени буддийский вопрос не считался столь актуальным, как, например, еврейский или мусульманский.

Значительная группа дореволюционных работ, касающихся данной проблемы, принадлежит перу православных миссионеров. В центре их внимания находились вопросы христианизации буддистов, поэтому для них был характерен тенденциозный подход к буддизму как языческой религии. Согласно логике миссионеров, буддисты могли стать надежными подданными только после приобщения к христианству, поэтому большинство их сочинений было посвящено вопросам миссионерства, взаимоотношения православия и буддизма, распространения образования и просвещения среди буддистов (Вениамин, 1885; Гурий, 1911; Гурий, 1915).

В конце XIX века публикуются сочинения авторов, пытавшихся дать объективную и развернутую картину жизни буддийской общины в Калмыцкой степи и Забайкальском регионе, избегая при этом вопроса о политике царизма в отношении буддизма. Особо здесь следует отметить труды известного дипломата, востоковеда, князя Эспера Ухтомского, в которых он отстаивает позицию расширения внешней восточной политики России с учетом культурно-исторических связей российских буддистов с азиатским буддийским миром (Ухтомский, 1891; Ухтомский, 1904). В 1890–1891 годах Ухтомский даже сопровождал цесаревича, будущего Николая II, в его путешествии на Восток.

Среди работ советского периода следует указать книгу К.М. Герасимовой «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Герасимова, 1957). Здесь рассмотрена эволюция имперской конфессиональной политики и стратегии православной миссии, анализируются законодательные и административные проекты относительно бурятских буддийских подданных в Забайкалье. Исследуя царскую политику в отношении буддийской общины Забайкалья, автор приходит к выводу, что правительство прежде всего заботилось о том, чтобы буддийское духовенство верно служило царю (Герасимова, 1957: 38-40).

Интерес представляет и коллективный труд бурятских ученых «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX веков. Структура и социальная роль культовой системы». Авторы монографии отмечают, что отношение царского правительства к буддистам имело существенные различия в регионах и зависело от роли и значения калмыков и бурят во внутреннем и внешнем положении Российской империи (Ламаизм в Бурятии..., 1983).

Из работ постсоветского времени необходимо выделить коллективный труд «Буддизм в истории и культуре бурят» (Буддизм в истории..., 2014). Авторы монографии, указывая на противостояние буддийской общины бурят и имперских властей, отмечают, что в условиях конфликтов с местной администрацией буддисты Забайкалья нередко обращались к российским императорам, которые в их представлениях являлись гарантами религиозных прав и свобод (Буддизм в истории..., 2014: 58).

Из исследований, посвященных политике царского правительства в отношении калмыцких буддистов, можно выделить монографии Г.Ш. Дорджиевой (Дорджиева, 1995; Дорджиева, 2012). В данных работах автор тщательно и подробно анализирует пути и результаты вероисповедной политики Российского государства в Калмыкии.

Говоря о зарубежной историографии проблемы, необходимо отметить, что вопросы истории буддизма в Российской империи получили недостаточное внимание в западной науке. Здесь в первую очередь следует отметить исследования чешского религиоведа Любоша Белки (Bělka, 2001) и немецкого историка Дитмара Шорковица (Schorkowitz, 2001).

4. Результаты

Появление буддизма в культурно-конфессиональном пространстве России связано с интеграцией в состав Российского государства народов, традиционно исповедующих буддизм. Первыми из таких народов стали калмыки. Первые зафиксированные официальные контакты калмыков с русскими монархами относятся к началу XVII века. В ходе ряда переговоров калмыки выразили желание войти в состав Российского государства.

В 60–70-е годы XVII в. сложилось государственное образование – Калмыцкое ханство в составе Российской империи. К этому времени калмыки, как и другие этнические группы западных монголов (ойратов), приняли буддизм тибетской школы Гелуг. Принятие новой религии было официально закреплено на законодательном уровне (Уланов, Бадмаев, Мацакова, 2016; Ulanov, Badmaev, Holland, 2017). Известно, что Калмыцкое ханство до середины XVIII в. имело достаточно большую самостоятельность. Царское правительство практически не вмешивалось в религиозные дела калмыков. В духовных вопросах они подчинялись Тибету. Как отмечает М. Ходарковский, «в отличие от тех, кто уже жил в регионе, калмыки были, безусловно, чужаками – тибетскими буддистами, и ни христиане, ни мусульмане не ощущали родства с новоприбывшими» (Ходарковский, 2019: 267).

Гибкая политика царизма по отношению к калмыкам объяснялась тем, что последние составляли довольно значительную военную силу и многократно проявляли героизм в защите своей новой родины. Сразу после своего прихода на территорию России калмыки стали ее надежным щитом от неприятелей.

Другим народом Российской империи, исторически исповедовавшим буддизм, были буряты, жившие на территории Забайкалья. Данный регион был присоединен к России в 1689 г. согласно Нерчинскому договору. К этому моменту буддизм традиции Гелуг уже начал распространяться среди бурятских родов. В том же году между местными правителями и царским наместником Ф. Головиным был заключен договор о российском подданстве, согласно которому царская администрация брала на себя обязательство не принуждать бурят переходить в православие (Сборник..., 1960: 328).

Российская империя обладала огромным религиозным и этнокультурным разнообразием. Царская администрация считалась с существующей буддийской церковью и предпринимала первые шаги по организации ее управления, чтобы она служила интересам России. Так, русский государственный деятель и дипломат С. Рагузинский в «Инструкции пограничным дозорщикам» 1728 г. отмечал необходимость не пропускать на территорию России буддийское духовенство из соседних стран и обходиться собственными священнослужителями, чтобы пожертвования российских подданных «не чужим, но своим доставались...» (Ухтомский, 1904: 8). Для местных чиновников это положение стало на долгое время основным документом в их отношении к буддизму.

Важным событием в истории взаимоотношения российской власти и буддийской сангхи стал Указ императрицы Елизаветы Петровны, изданный в 1741 г., согласно которому был официально утвержден штат буддийского духовенства Забайкалья, который затем принял присягу на верноподданство российской императрице. Таким образом, царская власть документально признавала наличие буддийской религии и деятельность буддийской сангхи в России. Главой буддийской общины Забайкалья в звании ширетуя был утвержден тибетский лама Агван Пунцок.

Политика Екатерины Великой в отношении буддизма во многом основывалась на идеях Просвещения. Так, 17 июня 1773 года был издан указ Синода о веротерпимости, запрещавший архиереям вмешиваться в религиозные дела представителей других конфессий, включая и буддистов. Наиболее ярко конфессиональная политика Екатерины II в отношении буддистов проявилась в Забайкалье. Здесь в 1764 г. настоятель Цонгольского дацана Д.Д. Заяев был официально провозглашен главой всех местных буддистов и получил титул Бандидо Хамбо-лама. Позже он был приглашен в Санкт-Петербург в числе представителей депутатов различных религий. В столице лама получил удостоверяющую его высокое звание грамоту с белой печатью и был награжден медалью (Бурятские летописи, 1995: 112).

Личная встреча российской императрицы и первого Бандидо Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева стала свидетельством взаимного интереса государства и буддийской общины. Если империя в лице Екатерины II получала возможность расширить свои геополитические интересы и позиции за счет связей бурятских буддистов с их единоверцами в Монголии и Тибете, то для буддийской сангхи это была возможность подтверждения ее легитимности на высшем государственном уровне.

Непростыми при Екатерине Великой были взаимоотношения России с калмыками. Относительно независимое существование Калмыцкого ханства не устраивало царизм. При Екатерине II началось планомерное наступление на калмыцкую автономию. Одновременно усилилась колонизация Нижнего Поволжья, активизировалась миссионерская деятельность Русской православной церкви. Все это привело к откочевке в 1771 г. большей части калмыков в Джунгарию под предводительством Убуши-хана. В октябре 1771 г. указом императрицы было упразднено Калмыцкое ханство. Следует отметить, что в нем вплоть до его упразднения не было единого религиозного центра. Каждый улус имел один или несколько хурулов во главе с настоятелем-багши. После 1771 г. ситуация стала меняться. Решающую роль в оформлении буддийской церкви Калмыкии сыграло правительство России.

При императоре Павле I калмыцкая автономия в форме наместничества была ненадолго восстановлена. В 1800 г. Павел I утвердил багши малодербетовских хурулов Сойбинга Ламой калмыцкого народа, вручив ему специальную грамоту, которая подтверждала право калмыков на свободное исполнение буддийского культа. Несмотря на то, что данный факт следует оценивать как первый шаг в централизации сангхи, направленный на усиление государственного и административного контроля в отношении буддийской общины в Калмыкии и ее духовных руководителей, важно отметить, что тем самым подтверждались права калмыков – исповедовать буддизм и калмыцкой буддийской сангхи – на существование в Российской империи (Дорджиева, 1995: 48-49).

Таким образом, царское правительство в эпоху правления Екатерины II и Павла I стремилось установить контроль над буддийскими общинами через введение штата духовенства и строгой централизации.

В период правления Александра I происходило укрепление позиций буддизма в Байкальском регионе. В начале XIX века активно строятся и открываются буддийские монастыри-дацаны. Во многом такое расширение буддийской сангхи в Байкальском регионе стало возможным благодаря либеральной политике имперской власти, налаженным контактам буддийского духовенства с местной администрацией.

При Николае I началась активная работа по организации законодательной основы для взаимодействия буддийской церкви и государства. Так, калмыцкая буддийская сангха получила централизованную структуру в результате специально принятых законоположений Российского государства. В 1834 г. царским правительством было утверждено «Положение по управлению калмыцким народом», которое строго регламентировало религиозную деятельность калмыцкого буддийского духовенства. Согласно ему, создавалось Ламайское духовное правление под председательством Ламы калмыцкого народа, которое должно было информировать российскую администрацию о положении хурулов и духовенства. Лама калмыцкого народа назначался лично императором России из числа высшего буддийского духовенства по представлению министра внутренних дел. В целом, Ламайское духовное правление состояло из уже упомянутого Ламы, а также четырех представителей высшего духовенства. Последние должны были избираться на всекалмыцком собрании буддийского духовенства сроком на 3 года, после чего их утверждал астраханский военный губернатор. Все члены Ламайского духовного правления по своему положению фактически представляли собой чиновников, состоявших на службе у государства, которые получали за свою работу значительное денежное жалованье (История Калмыкии..., 2009: 234).

В целом, создание Ламайского духовного правления преследовало цель поставить под контроль деятельность буддийского духовенства, превратив его в государственных чиновников, а само духовное правление включить в механизм государственного бюрократического аппарата. Более того, его организацией преследовалась цель ускорить окончательную разработку правового статуса калмыцкого духовенства (Оконова, 2017: 92).

«Положение по управлению калмыцким народом» 1847 г. определяло полномочия Ламы калмыцкого народа по осуществлению религиозной власти в Калмыцкой степи, который являлся высшим буддийским иерархом и главой всех калмыцких хурулов. По новому Положению Лама калмыцкого народа вначале избирался на съезде настоятелей калмыцких хурулов по предложению Главного попечителя. При этом учитывалось мнение владельцев улусов. После этого Лама по представлению министра государственных имуществ утверждался указом самого императора. Таким образом, Лама калмыцкого народа продолжал де-факто оставаться должностным лицом в системе российской государственной администрации.

В этот период царское правительство стало проводить политику сокращения количества буддийских храмов и духовенства. Однако калмыцкое духовенство оказывало сопротивление ограничительной политике царизма. Во второй половине XIX в. появился институт хурульных учеников. В него входили и священнослужители, попавшие под сокращение. В результате реально существовало большее количество хурулов и лам, чем это предусматривало Положение 1847 г.

Правительство Николая I также уделяло значительное внимание вероисповедным делам бурят и формированию в отношении них четкого законодательства. Так, в 1853 г. по проекту генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева с одобрения Министерства внутренних дел и Сибирского комитета сената царем Николаем I было утверждено «Положение о ламайском духовенстве». Этот документ определял количество дацанов, их штат и круг должностей, порядок их комплектования, принципы управления ламаистской церковью.

«Положение 1853 г.» установило принципы подчинения административно-хозяйственной деятельности дацанов ведомству «инородческих начальников», т.е. главам степных дум. С другой стороны, царское правительство усиливало власть царской администрации и зависимость хамбо-ламы и дацанов от Петербурга и губернского управления, ибо все должностные лица утверждались ими, добывались верноподданнического служения ламайства и дацанов царскому престолу.

При Александре II политика правительства по отношению к буддийской церкви в калмыцких степях и в Забайкалье не претерпела существенных изменений, а деятельность буддийского

духовенства регламентировалась вышеуказанными «Положениями». В то же время в период его правления развернулась активная миссионерская деятельность.

Конфессиональная политика Александра III сопровождалась некоторым усилением государственного контроля в отношении буддийского духовенства Забайкалья. Так, в 1890 г. появилась «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии», в соответствии с которой ламы и монастыри ряда бурятских родов вышли из-под административного контроля Бандидо Хамбо-ламы (Лепехов, 2012: 52).

Государственная конфессиональная политика Николая II способствовала дальнейшему развитию буддизма в России. Манифест от 17 октября 1905 г. способствовал заметному улучшению положения буддийских общин. Изменения вероисповедной политики в 1905 году сделали возможным строительство в столице империи буддийского храма – дацана, которое началось в 1909 году и продолжалось до 1915 года. Его возведение обошлось более чем в 150 тысяч рублей. Средства поступали как от российских буддистов, так и от Далай-ламы XIII и ламы Агвана Доржиева, который осуществлял общее духовное руководство строительством. Хотя оно завершилось лишь к 1915 году, уже в 1913 году, к 300-летию династии Романовых, состоялось его освящение. Тогда же была совершена первая служба (Андреев, 2004).

Повышение интереса царской администрации к буддийскому миру в этот период во многом было обусловлено и внешнеполитическими обстоятельствами. Одним из таких факторов было продолжение Большой игры – геополитического соперничества между Российской и Британской империями за господство в Южной и Центральной Азии в XIX – начале XX вв. Русское дипломатическое ведомство вело очень сложную и тонкую работу по воспрепятствованию английской экспансии в Тибет, скорейшему восстановлению в стране власти Далай-ламы XIII и укреплению позиций России в регионе. В этом очень помогала информация буддийских паломников из числа калмыков и бурят о сложившейся ситуации в Тибете, которая вызвала особый интерес в Министерстве иностранных дел и в Военном министерстве (Андреев, 1997).

Следует особо отметить деятельность выдающегося представителя российского буддизма Хамбо-ламы Даши Доржо Итигэлова, который в 1913 г., будучи главой бурятских буддистов, принимал участие в мероприятиях, посвященных 300-летию Дома Романовых. В честь данного события Итигэлов даже провел торжественную службу в буддийском дацане Петербурга, а затем был удостоен личной аудиенции императора (Пчелов, 2010: 9).

Особое значение для знакомства петербургского императорского двора с культурой Тибета, в частности с тибетской медициной, имела деятельность Петра Александровича Бадмаева, крестника императора Александра III, личного врача семьи императора Николая II. Бадмаев стал известен как создатель первой школы буддийской медицины в Петербурге и популяризатор тибетской медицины в России. П.А. Бадмаев, являвшийся действительным статским советником, по результатам ряда своих экспедиций в Монголию, Китай и Тибет подготовил для императора Александра III памятную записку в виде философско-исторического трактата «О задачах русской политики на азиатском Востоке», где дал свой геополитический прогноз будущих событий на Востоке и основанный на этом прогнозе перспективный план по мирному присоединению к России Монголии, Тибета и Китая (Гусев, 1995).

Внимательное отношение российских императоров к буддизму и буддийской культуре способствовало положительному восприятию русских монархов буддийской сангхой, созданию и сакрализации их положительного образа. Так, в бурятских историко-литературных памятниках неоднократно отмечается имманентная духовная общность буддизма и российской монархии (Бурятские летописи, 1995: 133, 167). Русские цари характеризовались буддийским духовенством такими положительными качествами, как справедливость, мудрость, великодушие.

5. Заключение

Таким образом, политика Дома Романовых в отношении буддийского населения империи была достаточно сложной и противоречивой. В целом, царская политика была направлена на то, чтобы буддийская община России служила государственным интересам империи. В процессе формирования буддийских церковных структур царское правительство пыталось поставить калмыцкую и бурятскую сангхи под свой контроль, превратив их в часть государственной машины. Стремление правительства к централизованному контролю над буддийской конфессией выражалось также в политике изоляции калмыцкого и бурятского буддийского духовенства от контактов с тибетской и монгольской буддийскими церквями. Кроме того, царское правительство пыталось предотвратить сближение бурятской и калмыцкой общин. Поэтому забайкальские буряты находились в ведении Министерства внутренних дел, а калмыки – Министерства государственных имуществ, позже – Министерства исповеданий.

Сложившаяся четырехуровневая система государственно-конфессиональных отношений во главе с Русской православной церковью относилась буддистов, наряду с католиками, протестантами, мусульманами и иудеями, ко второму уровню, так называемых признанных терпимых конфессий. При этом важной частью конфессиональной политики царской России была христианизация

неправославного населения, в том числе и буддистов. Принятие православия «инородцами» рассматривалось как составной элемент культурно-конфессиональной политики по их интеграции. Следует отметить, что российское государство проявляло осторожность в христианизации буддийских народов, учитывая непростую социально-политическую обстановку на окраинах империи. Принятие буддийскими народами российского подданства не означало их принудительную и автоматическую христианизацию. В отдельных случаях царское правительство даже вынуждено было поддерживать буддийскую церковь, несмотря на интересы православной миссии.

Особо следует отметить внешнеполитический фактор в конфессиональной политике Российской империи по отношению к буддийской сангхе России. Если империя получала возможность расширить свои геополитические интересы и позиции за счет связей бурятских и калмыцких буддистов с их единоверцами в Монголии и Тибете, то для российской буддийской сангхи это была возможность подтвердить свою легитимность на самом высшем государственном уровне.

Внимательное отношение царского правительства к буддийской конфессии вызвало взаимное уважение к российским государям у бурятского и калмыцкого населения. При этом буддийское духовенство, учитывая отсутствие у бурят и калмыков в XIX веке собственной государственности, даже стремилось сакрализировать царскую власть, опираясь на буддийские социально-политические концепции и проецируя их на российскую монархию.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Литература

Андреев, 1997 – Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы (Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века). Самара: Агни, 1997. 352 с.

Андреев, 2004 – Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 224 с.

Буддизм в истории..., 2014 – Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.

Бурятские летописи, 1995 – Бурятские летописи. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, РАН СО, 1995. 199 с.

Вениамин, 1885 – Вениамин (Благонравов В.А.). Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1885. 75 с.

Герасимова, 1957 – Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1957. 160 с.

Гурий, 1911 – Гурий (Степанов). Православная миссия среди ламаитов-калмыков // Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. № 1–4. СПб., 1911. С. 412–421.

Гурий, 1915 – Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов. Ч. 1. Казань, 1915. 254 с.

Гусев, 1995 – Гусев Б.С. Доктор Бадмаев: тибетская медицина. Царский двор. Советская власть. М.: Русская книга, 1995. 240 с.

Дорджиева, 1995 – Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.

Дорджиева, 2012 – Дорджиева Г.Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.

История Калмыкии..., 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с.

Ламаизм в Бурятии..., 1983 – Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX веков: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. 235 с.

Лепехов, 2012 – Лепехов С.Ю. Политика царского правительства по отношению к буддизму в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 52–60.

Оконова, 2017 – Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 83–97.

Пчелов, 2010 – Пчелов Е.В. Русские государи и российский буддизм // *Новый исторический вестник*. 2010. № 26. С. 5–11.

Сборник..., 1960 – Сборник документов по истории Бурятии. XVII век (1609–1700). Улан-Удэ, 1960. 494 с.

Ухтомский, 1891 – Ухтомский Э.Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1891. 213 с.

- [Ухтомский, 1904](#) – *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904. 128 с.
- [Ходарковский, 2019](#) – *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- [Bělka, 2001](#) – *Bělka L.* *Tibetský buddhismus v Burjatsku*, Brno: Masarykova univerzita, 2001. 342 p.
- [Schorkowitz, 2001](#) – *Schorkowitz D.* Staat und Nationalitaeten in Russland. Der Integrationsprozess der Burjaten und Kalmücken, 1822-1925. Franz Steiner Verlag Stuttgart. 2001. 616 p.
- [Ulanov et al., 2016](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.* Buddhism and Legal Tradition in Mongolia // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4: 1068-1076.
- [Ulanov, Badmaev, 2015](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N.* Buddhist World in Global Context // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2015. No.5 (Special Issue), pp. 15-17.
- [Ulanov et al., 2017](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C.* Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Inner Asia*. 2017. No.19, pp. 297-314.

References

- [Andreev, 1997](#) – *Andreev A.* (1997). Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy (Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nuyu Aziyu v pervoi polovine XX veka) [From Baikal to sacred Lhasa (New materials on Russian expeditions to Central Asia in the first half of the 20th century)]. Samara: Agni. 352 p. [in Russian]
- [Andreev, 2004](#) – *Andreev A.I.* (2004). Khram Buddy v Severnoi stolitse [Buddha Temple in the Northern Capital]. SPb.: Nartang. 224 p. [in Russian]
- [Bělka, 2001](#) – *Bělka L.* (2001). *Tibetský buddhismus v Burjatsku*, Brno: Masarykova univerzita, 342 p. [in Czech]
- [Buddizm v istorii..., 2014](#) – *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in history and culture is drilled]. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom. 418 p. [in Russian]
- [Buryatskie letopisi, 1995](#) – *Buryatskie letopisi* [Buryat annals]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences. 199 p. [in Russian]
- [Dordzhieva, 1995](#) – *Dordzhieva G.Sh.* (1995). Buddizm i khristianstvo v Kalmykii. Opyt analiza religioznoi politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii (seredina XVII – nachalo XX vv.) [Buddhism and Christianity in Kalmykia. The experience of analyzing the religious policy of the government of the Russian Empire (mid XVII – early XX centuries)]. Elista: APP «Dzhangar». 126 p. [in Russian]
- [Dordzhieva, 2012](#) – *Dordzhieva G.Sh.* (2012). Buddizm Kalmykii v veroispovednoi politike Rossiiskogo gosudarstva (seredina XVII – nachalo XX vv.) [The Buddhism of Kalmykia in the religious policy of the Russian state (mid XVII – early XX centuries)]. Elista: Kalmyk state University. 203 p. [in Russian]
- [Gerasimova, 1957](#) – *Gerasimova K.M.* (1957). Lamaizm i natsional'no-kolonial'naya politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov [Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries]. Ulan-Ude: Buryat-Mongol Institute of culture. 160 p. [in Russian]
- [Gurii, 1911](#) – *Gurii* (1911). Pravoslavnaya missiya sredi lamaitov-kalmykov [Orthodox mission among Kalmyk Lamaites. Missionerskoe obozrenie. Zhurnal vnutrennei missii. No. 1-4. SPb. Pp. 412-421. [in Russian]
- [Gurii, 1915](#) – *Gurii* (1915). Ocherki po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongol'skikh narodov [Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian peoples]. Vol. 1. Kazan. 254 p. [in Russian]
- [Gusev, 1995](#) – *Gusev B.S.* (1995). Doktor Badmaev: Tibetskaya meditsina. Tsarskii dvor. Sovetskaya vlast' [Dr. Badmaev: Tibetan medicine. Imperial Courtyard. Soviet authority]. M.: Russkaya kniga. 240 p. [in Russian]
- [Istoriya Kalmykii..., 2009](#) – *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3 t.* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 vol.]. Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 3. 752 p. [in Russian]
- [Khodarkovskii, 2019](#) – *Khodarkovskii M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppes of Russia. How the colonial empire was created. 1500–1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p. [in Russian]
- [Lamaizm v Buryatii..., 1983](#) – *Lamaizm v Buryatii XVIII-nachala XX veka: Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi sistemy* [Lamaism in Buryatia of the 18th-early 20th centuries: The structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie. 235 p. [in Russian]
- [Lepekhov, 2012](#) – *Lepekhov S.Y.* (2012). Politika tsarskogo pravitel'stva po otnosheniyu k buddizmu v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The policy of the tsarist government in relation to Buddhism in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, No.3, pp. 52-60. [in Russian]
- [Okonova, 2017](#) – *Okonova L.V.* (2017). Deyatel'nost' Lamaiskogo dukhovnogo pravleniya i Lamy po materialam otchetov Upravleniya kalmytskim narodom [Activities of the Lamai Spiritual Government and the Lama based on reports from the Office of the Kalmyk People]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, No. 2. pp. 83-97. [in Russian]

- Pchelov, 2010** – *Pchelov E.V.* (2010). Russkie gosudari i rossiiskii buddizm [Russian sovereigns and Russian Buddhism]. *Novyi istoricheskii vestnik*, No.26, pp. 5-11. [in Russian]
- Sbornik..., 1960** – Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek (1609-1700) [Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century (1609-1700)]. Ulan-Ude. 494 p. [in Russian]
- Schorkowitz, 2001** – *Schorkowitz D.* (2001). Staat und Nationalitaeten in Russland. Der Integrationsprozess der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 616 p. [in German]
- Ukhtomskii, 1891** – *Ukhtomskii E.E.* (1891). Ot Kalmytskoi stepi do Bukhary [From the Kalmyk steppe to Bukhara]. SPb, 213 p. [in Russian]
- Ukhtomskii, 1904** – *Ukhtomskii E.E.* (1904). Iz oblasti lamaizma. K pokhodu anglichan na Tibet [From the realm of Lamaism. To the campaign of the British in Tibet]. SPb. 128 p.
- Ulanov, Badmaev, 2015** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N.* (2015). Buddhist World in Global Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, No.5 (Special Issue), pp. 15-17.
- Ulanov et al., 2017** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C.* (2017). Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Inner Asia*, No.19, pp. 297-314.
- Ulanov et al., 2016** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.* (2016). Buddhism and Legal Tradition in Mongolia. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4: 1068-1076.
- Veniamin, 1885** – Veniamin (1885). Zhiznennye voprosy pravoslavnoi missii v Sibiri [Life issues of the Orthodox mission in Siberia]. SPb. 75 p. [in Russian]

Буддийские общины Забайкалья и Нижнего Поволжья в конфессиональной политике Российской империи

Мерген Санджиевич Уланов ^{а, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^а, Арья Александровна Андреева ^а

^а Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается специфика конфессиональной политики Российской империи в отношении буддизма. После появления подданных-буддистов в государственной политике России проявлялось терпимое отношение к буддийской религии, особенно это касалось калмыков, которые до 1771 г. имели значительную автономию. В последующий период царским правительством были осуществлены успешные попытки централизации буддийских общин бурят и калмыков с целью создания у них строгой церковной структуры и иерархии, наподобие РПЦ. Однако это стремление властей диктовалось не столько враждебностью к буддизму, сколько стремлением российского государства контролировать все религиозные конфессии на территории империи. После ряда административных преобразований во второй половине XIX в. была сформирована система буддийских духовных учреждений. Исследование показало, что царская политика была направлена на то, чтобы буддийская община России служила государственным интересам империи. Однако, несмотря на активную поддержку миссионерской деятельности РПЦ в Калмыкии и Забайкалье, царскому правительству так и не удалось полностью христианизировать буддийское население империи. В то же время внимательное отношение центральной власти к буддийской конфессии привело к тому, что российские государи стали позитивно восприниматься бурятским и калмыцким населением.

Ключевые слова: буддизм, конфессиональная политика, Российская империя, династия Романовых, калмыки, буряты, христианизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmavo7@yandex.ru (В.Н.Бадмаев), miss.tsebikova888@gmail.com (А.А. Андреева)